

СКОЛЬКО ВЕРЕВОЧКЕ НИ ВИТЬСЯ, ИЛИ ИЗ КВАКЕРОВ В ПРОЗАИКИ

Энн Тайлер. Французская косичка: Роман / Пер. с англ. М. Александровой. — М.: Фантом Пресс, 2023. — 352 с.

Чуть больше месяца назад, 25 октября 2023 года, американской писательнице и литературному критику Энн Тайлер (Anne Tyler) исполнилось 82 года. Ее последний, дошедший до России, роман был написан в 2022 году и называется «Французская косичка» (French Braid).

В сети Интернет можно прочитать подробную биографию этой писательницы. Например, про то, что она родилась в семье квакеров¹ в Миннеаполисе, штат Миннесота, и до 11 лет с родителями и тремя младшими братьями провела детство в различных квакерских общинах. Или про то, что до означенного возраста не ходила в традиционную школу, а обучалась искусству, труду и кулинарии в коммуне. Что Энн писала рассказы с семи лет, а в 16 лет поступила в Университет Дьюка (Дарем, Северная Каролина), где специализировалась в области русского языка, истории и литературы. Замужество с психиатром иранского происхождения Таги Модарресси, переезд в Балтимор, рождение дочерей Тэз Модарресси и Митры Модарресси. И так далее, и тому подобное... Двадцать четыре опубликованных романа, первый из которых написан в 1964 году. Внушительный писательский опыт, несколько литературных наград и признание.

Позвольте задать вопрос: «Сколько из произведений Энн Тайлер вы читали?» Ну, хотя бы самые «нашумевшие»? «Обед в ресторане „Тоска по дому“» (Dinner at the Homesick Restaurant, 1982), «Случайный турист» (The Accidental Tourist, 1985), «Уроки дыхания» (Breathing Lessons, 1988), «Удочеряя Америку» (Digging to America, 2006), «Катушка синих ниток» (A Spool of Blue Thread, 2015)? Я опросил двадцать человек, увлеченных литературой. Таких, кто заплатит свои деньги за точное местоположение Виктора Пелевина или кинется в драку с хулителем романа Мариам Петросян «Дом в котором...», кто в ночь перед работой готов разгадывать хитросплетения детektivов Таны Френч и (о, боже!) читал, а не пролистывал «Роман» Владимира Сорокина. Из этих людей всего одна девушка прочитала несколько книг, остальные — ни одной! Я прочел три романа, и, знаете, мне хватило.

Творчество Энн Тайлер можно охарактеризовать одной фразой: «Рассказы о скрытых сторонах жизни простых американских семей». Можно сказать, что простота или,

¹ Quakers или «трепещущие», иногда «квейкеры» — официальное самоназвание Религиозного общества друзей (Religious Society of Friends). В середине XVII века это было протестантское христианское движение, возникшее в годы английской революции в Англии и Уэльсе, примерно в 1652 году. Сегодня Религиозное общество друзей представляет собой объединение независимых религиозных организаций, чьи вера и практика могут существенно отличаться друг от друга. Богословские взгляды общин квакеров и отдельных членов колеблются от евангелизма и либерального протестантизма до различных форм универсализма и нетеизма.

скорее, незамысловатость изложения является основополагающей чертой ее текстов. В каких-то произведениях больше нюансов и мелких деталей, вроде марок проезжающих машин или бытовых приборов («Морган ускользает»), и тогда кажется, что они захламляют повествование. В других — неторопливое копание в персонажах внезапно прерывается, унося все секреты героев в небытие («Катушка синих ниток»).

В многочисленных рецензиях-отзывах на сайтах российских издательств раздаются восторженные крики о схожести главной темы Тайлер с идеями романа Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества». Это слишком большое преувеличение. Желание доброго российского читателя увидеть стиль за отсутствием стиля, а за простотой — глубину понятно и похвально, но не является истиной.

Оценки российских читателей произведениям Тайлер замерли в районе 3,6–3,7 по пятибалльной шкале, или около 7,0 — по десятибалльной. Понятно, что Пулитцеровская премия и трогательное восхищение Джона Апдайка дорого стоят, но российскому читателю Энн Тайлер по большому счету... не интересна. Американка пишет скоро уже 60 лет, но и близко не подошла к популярности, например, Анны Старобинец или Донны Тарт. Потому что читать про традиционные семейные ценности, давайте признаем, — скучно. Это не история турецкой и армянской семей, разделенных драматическими событиями на родине (Элиф Шафак «Стамбульский бастард») и не рассказ о двух семьях, члены которых состоят сплошь из психологически больных женщин (Гюльсерен Будаиджи оглу «Внутри медальона»). Мастер семейной хроники, Энн Тайлер раз за разом вскрывает, корежит, раскалывает перед читателем набивший уже оскомину образ американской мечты, показывая, что не все спокойно в датском королевстве. Но читатель зевает и тянет руку к томику Ю. Несбё.

Это странное положение вещей для автора, который называет одним из любимых романов «Анну Каренину» Льва Толстого и не понаслышке осведомлен о русской литературе. Но вполне объяснимое — для книгоиздателей. Если учесть результаты работы книжной отрасли за девять месяцев, которые подвели Ассоциация книгораспространителей, журнал «Книжная индустрия» и Российская книжная палата. Совокупный тираж книг в переплете сократился на 25,3 %. Продажи книг в магазинах упали на 15,3 %. Средняя цена проданной книги составила 493 рубля (в Москве 505 рублей). 88,7 % от совокупного тиража книг издается в Москве, еще 4,5 % в Петербурге. На остальные регионы остается 6,8 %. В таких реалиях объяснимо, почему издательство «Фантом-Пресс» печатает 4000 экземпляров новой книги Тайлер в Ярославле, а в Петербурге книга стоит 900 с лишним рублей. Индустрия тонет, и тот факт, что в американскую писательницу российские издатели вцепились в 2015 году только после того, как «Катушка» вошла в шорт-лист «Букера», говорит о попытках ухватиться за очередную соломинку. А уцепившись, громко выкрикивать, что это целое бревно.

В центре событий нового романа Энн Тайлер «Французская косичка» очередная обычная семья — Гарреттов. Отец семейства Робин, прижимистый и немного инфантильный представитель среднего класса, мать Мерси, которая мнит себя художницей, две дочери, уравновешенная Элис и помешанная на мальчиках Лили, и сын Дэвид, погруженный в свой мир. Занавес открывается летом 1959 года, когда Гарретты отправляются в семейный отпуск. Они не покидают съемный коттедж, в границах или около которого каждый член семьи занимается своим делом: Робин плавает и ведет беседы с главой соседнего семейства, Мерси рисует, Элис смешивает специи и ездит за покупками, Лили зависает с красавчиком Трентом, а Дэвид строит замки из песка и переназывает своих солдатиков. То есть люди занимаются тем, на что в обычной жизни у них нет времени или сил — собой. Любое вмешательство одного члена семьи во времяпровождение другого приводит к фиаско, и все снова возвращаются к себе, любимым. По мнению автора, герои никогда не были так далеки друг от друга, и именно

эта поездка становится причиной того, что впоследствии все в семье незаметно, но все увереннее начинают отдаляться друг от друга.

Таким образом первые 100 страниц книги (почти треть) вызывают недоумение. Неужели, по версии Тайлер, мать должна была готовить обеды, отец возить семью за покупками, а дети умильно рассаживаться ежевечерне за одним столом и вести занимательные беседы? Тогда зачем про это писать роман? Вспоминается лицо Джонни Деппа из «Чарли и шоколадная фабрика», когда его герой пытался произнести слово «родители».

Помимо этого книга с первых страниц перенасыщена чуждыми топонимами и ничего не говорящими названиями: Пайксвилль, Сидакрофт, залив Чесапик, Бак-Смит-роуд, коттеджный поселок «Слипи Вудс», ипподром Пимлико и прочее, и прочее. Цитируя саму Энн, можно сказать: «Зрелище навевало тоску. Почти тоску по дому».

Дальше автор «делает монтаж» и переносит читателя в осень 1970 года. Дочери разъехались, Элис уже сама мать, Лили ждет ребенка, а Дэвида семья отвозит в Ислингтонский колледж. Наконец-то Гарретты остаются одни в большом доме, дети пристроены, они могут посвятить время друг другу и себе. Но все зависит от взгляда на ситуацию. Вместо того чтобы «оторваться по полной... сходить куда-нибудь поужинать или, не знаю, заняться безумным сексом на полу в гостиной», Тайлер предлагает своим героям грустить оттого, что «улетел последний птенчик, оставшийся в гнезде».

Конечно, надежда на то, что в саду в дупле старого дуба найдут скелет подростка или в стенах дома послышится шорох босых ног маленькой девочки, не покидает читателя еще некоторое время. Но следующие 100 страниц книги мы вынуждены наблюдать, как Мерси «переезжает» от мужа в соседний гараж и живет в новообразованной студии, а Робин... впрочем, неважно. Читателя окружают какие-то соседи с котами и собственными трагедиями, поиски себя в живописи, распад одних семей и создание новых и прочее, и прочее. То есть читатель подсматривает за обычной, ничем не примечательной жизнью семьи Гарреттов, члены которой просто... живут.

Снова «монтаж», и мы в апреле 1982 года. Малышу Дэвиду уже 30 лет, он не жалует семью ни звонками, ни тем более приездами. И вдруг «младший» (а для некоторых героев уже «дядя Дэвид») объявляет, что приедет на Пасху с девушкой Гретой. Члены семьи сбиваются с ног и неуклюже, отлипая от собственных дел и пытаясь разморозить заскорузлые семейные связи, стараются устроить «семейный ужин». Но у читателя создается ощущение, что все, от главы семейства Робина до малыша Робби, делают это нехотя. Дэвид привозит не только Грету, но и ее дочь Эмили. Неуверенность и растерянность становятся основными состояниями всех присутствующих. Возможно, потому, что за «вот мы какие» и вежливой заинтересованностью у этих людей ничего не стоит. Они и жизнью Дэвида интересуются, как интересовались бы чужие люди в рамках обычной вежливости. Отношения в семье Гарреттов едва дотягивают до социальных и вовсе не похожи на семейные. Многие читатели, скорее всего, посчитают, что в этой главе не содержится ничего удивительного, многие семьи ведут себя так же. Эту же мысль высказывает сама Энн Тайлер: «К счастью, они не были особо сентиментальным семейством». И по отношению автора совсем не чувствуется, что она желает своим героям иной судьбы или они жаждут более тесного общения друг с другом.

Тем более высосанной из пальца выглядит мысль, отраженная в аннотации к книге: «И все же что-то соединяет их всех, несмотря на все разногласия и непонимание, что-то неуловимое. И каждый член этой вроде бы разобщенной семьи оказывает влияние на жизнь всех остальных. Потому что семья — это нечто более глубокое, чем просто родственные отношения, семья — словно французская косичка: ты думаешь, что сбе-

жал от родных, но освободиться от них невозможно, они, точно завитки распушенной косички, все равно сплетены». Никакого сплетения в семействе Гарреттов (кроме географического) не ощущается, поэтому весь образ французской косички и общая идея сплетения явно притянуты за уши. А вот что больше соответствует данному роману — образ французской живописи. С этим направлением сравнивает автор работы своей героини Мерси. Причем даже дочь Элис не понимает этого стиля матери. Она говорит: «Учитывая страсть Мерси к подернутой дымкой расплывчатой французской живописи, можно бы подумать, что ее собственные картины будут такими же размытыми и неопределенными — не столько пейзаж, сколько намеки на него. Но на самом деле все обстояло не так — или, по крайней мере, не совсем так. Взять, к примеру, картину, над которой Мерси работала, когда они втроем вернулись в коттедж. Сосны напоминали расплывшиеся зеленые пирамиды, а лесная подстилка — бурные потеки, но вдруг на переднем плане, в левом нижнем углу, — сброшенные шлепанцы с помпонами, выписанные так четко и детально, будто лежали под увеличительным стеклом. Каждый стежок швов на ремешках, каждая пора в пробковой подошве, даже крошечная пчелка, присевшая на помпон, — воображению не оставалось ни малейшего места. Элис такой контраст раздражал, из-за резкого перехода от туманной неопределенности к конкретной реальности болели глаза». Так и роман Энн Тайлер представляет собой размытое нечто, подернутое расплывчатой дымкой. Суть романа «Французская косичка» так и не вырисовывается. Вспоминается диалог из произведения Сергея Лукьяненко «Спектр»: «— Я рассказал тебе историю своего рода! — Здесь грустно и одиноко, странник...»

И снова монтаж — июль 1990-го, и опять — январь 1997-го, лето 2014-го, весна 2020-го... Мелькают годы, события, персонажи. Но картина не становится цельной, события не складываются в простроенные смысловые паттерны, герои не обретают объемность. Мы смотрим на вкусный (как нам думается) и пышный омлет через запотевшее стекло крышки на сковородке. Но стоит приподнять крышку и заглянуть под нее — омлет опадает, съезживается и превращается в плоский блин, тоненький и непривлекательный.

Некоторые места остаются откровенно непонятными, но здесь вопросы возникают скорее к переводчику Марии Александровой и к редактору издания Любви Сумм. Читатель волен самолично взять оригинальный текст и сравнить с переводом. Возможно, тогда станет понятно, почему, когда чуть не утонувший Дэвид выходит наконец-то к родителям из спальни, автор дает ремарку: «Даже Мерси понимала достаточно, чтобы не поднимать шума». Фраза в контексте выглядит чужеродной. Или странное выражение «Пойдемте со мной, пока ваша бабушка не станет чуть поживее». И таких мест в книге несколько.

Также несколько сбивает с толку метаграфемика текста, когда повествование превращается в урок по русскому языку для младшеклассников: «Позади них женщина с мягким умиротворяющим голосом говорила по телефону. „Как ты сейчас?“»

Да, в романе есть очаровательные места — лингвистические конструкции, например: «...виден был только затылок. И этот худенький детский затылок казался ужасно печальным». Или то, как у Элис в голове невидимый рассказчик описывает каждое ее действие. Еще уморительная история про дважды сбитую машиной соседку Брайди. Находкой можно также считать, что каждая глава рассказывается от лица одного из членов семьи. Но в результате произведение напоминает не прическу «французская косичка», где все волосы надежно переплетены между собой, а, скорее, дредлоки, спутанные в локоны волосы, которые образовались под воздействием обстоятельств.

Алексей ЗУБАРЕВ